

ОБ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В КАЗАХСТАНЕ

Абдумалик Нысанбаев, Владимир Дунаев

УДК 005.342

Аннотация. Создание методики оценки, анализа, прогнозирования и управления политическими рисками относится к классу междисциплинарных проблем. При постановке и решении такого рода проблем необходимой составной частью исследований становится разработка их общеметодологических и мировоззренческих оснований. Концептуально-мировоззренческой основой теории политического риска и технологий социально-политического риск-менеджмента должно стать социально-философское осмысление новой общенаучной парадигмы, связанной с разработками синергетики и нелинейной динамики.

Ключевые слова: политические риски, управление, социальная онтология, виртуальная реальность, нелинейность, синергетика.

Важнейшую роль в стратегии социальных преобразований выполняет определение мировоззренчески-смысловых и концептуально-методологических рамок («фреймов») анализа, оценки и прогнозирования рисков и угроз, которые несут с собой глобальные мегатренды современности.

Под управлением рисками подразумевается идентификация рисков, оценка их потенциальных угроз, планирование и принятие решений в рискованных ситуациях и наблюдение за результатами этих решений. В современном мире в условиях нарастания неопределенности, роста политической и экономической неустойчивости социальных систем от политиков требуется владение теорией и практическими навыками риск-менеджмента. Совершенствование системы управления является главным ресурсом, который должен быть востребован при изменении алгоритмов развития цивилизации. Идентификация рисков и меры по их минимизации должны быть приоритетным направлением государственного управления. Однако ни на национальном, ни на международном уровне пока не создано надежно действующих механизмов, позволяющих с наименьшими издержками устранять последствия ошибок и просчетов, допущенных в сфере политического управления.

Уровень разработанности фундаментальных мировоззренческих и концептуально-методологических проблем анализа, оценки, прогнозирования, управления социально-политическими рисками не может считаться достаточ-

ным для решения комплекса задач, связанных с радикальной экономической реформой и трансформацией социально-политической системы казахстанского общества. Как отмечает Н.А. Назарбаев, на современном этапе развития Казахстана политическим руководством республики ставится задача возможной смены моделей демократизации страны, связанная «с конструктивной инициативой и реакцией на глобальные трансформации мира» [Назарбаев, 2003: 229]. Неотъемлемой составной частью решения этой задачи являются выявление, гуманитарно-научная экспертиза, анализ и оценка социально-политических рисков, обусловленных коррекцией политического курса.

Исключительно важным для Казахстана является принятие концепции политического управления рисками. Эта концепция должна отражать выбор общества и показывать, насколько безопасным будет социальный мир, в котором предстоит жить завтра. Это тем более важно, что речь должна идти о крупных и возрастающих с течением времени инвестициях в эту сферу. Таким образом, очевидной становится необходимость создания системы мониторинга и управления социально-политическими рисками на основе развития информационно-аналитической системы, позволяющей отслеживать основные тенденции социальных трансформаций, осуществлять постоянный мониторинг источников угроз и оперативно на них реагировать, проводя своевременную модификацию системы политического и административного управления. Необходимость философского подхода к проблеме оценки социально-политических рисков диктуется тем, что целостная картина рисков в обществе как сверхсложной системе не поддается складыванию по кусочкам, а требует интегрального подхода к анализу социальных механизмов риска. Создание методики оценки, анализа, прогнозирования, управления социально-политическими рисками относится к классу междисциплинарных проблем. При постановке и решении такого рода проблем необходимой составной частью исследований становится разработка их общеметодологических, мировоззренческих оснований.

Политические риски, в отличие от многих других типов риска, институционализированы, формально согласованы с экономической, правовой и социальной структурой общества. В этом смысле они подвластны надындивидуальным правилам признания, компенсации и предотвращения. Разумеется, возникают исключительные ситуации, в которых институционализированные формы риска не срабатывают. «Исчисление рисков» в таких ситуациях невозможно в принципе. Если «предусмотрительные» люди прошлых эпох готовились к наихудшим из всех мыслимых сценариям развития событий, то теперь такой возможности нет. Стало очевидно, что спектр возможных опасностей и рисков неподвластен рациональным методам исчисления. «Защищенность общества убывает по мере расширения спектра опасностей и их возможных масштабов. Исчисление рисков как основа, связывающая интересы общества, технологическую политику и политику в области безопасности, в таких ситуациях перестает работать» [Управление риском... б. г.].

В литературе различаются несколько «поколений» рисков – в зависимости от типа хозяйственно-экономической деятельности:

1-е поколение. Примитивное сельское хозяйство и простейшие ремесленные промыслы. Основные риски: голод, эпидемии, угроза грабежа, разбоя, политические заговоры и т. д.

2-е поколение. Массовое производство в индустриальном обществе. Основные риски: аварии в промышленности и на транспорте, военные конфликты, экономические кризисы, политические перевороты и т. д.

3-е поколение. Высокие технологии постиндустриального общества. Основные риски: риски генной инженерии, информационные угрозы, связанные с утратой смыслов и ценностей, аварии уникальных технических сооружений, негативное влияние технологий на глобальные климатические изменения и т. д.

Очевидно, что стратегия и тактика борьбы с рисками разных поколений должна быть различной. При различных уровнях затрат на образование или науку страна может стать государством 1-го поколения (где основные ресурсы – минеральное сырье, энергоносители и территория, и акцент делается на тяжелой индустрии и экстенсивном развитии сельского хозяйства), 2-го поколения (ресурсы – психологические установки и трудовые навыки населения, ведущие отрасли – электроника, биотехнология, малотоннажная химия и др.) или 3-го поколения (ресурсы – творческий потенциал общества, акцент на создании новых идей и технологий). В отличие от исторических, традиционные общества, в сущности, не знают кризисов, в них возможны лишь реставрационные скачки назад или установление совершенно деструктивного хаоса обломков, не способных ни к минимальной самостоятельности, ни к тому, чтобы породить какое-то новое качество. Такой деструктивный хаос и называется катастрофой, означающей не новый этап развития цивилизации, а ее гибель.

Третий вариант, наряду с последовательно историческим и последовательно традиционным развитием – «трагический». «Есть цивилизации как бы открытые, вмняемые для синергетических законов, периодически ввергающих эти цивилизации в глубокие кризисы, разлагающие социальные системы до неких предельных, способных к индивидуальному хаотическому выживанию единиц, чтобы в конце концов из этого хаоса путем естественного роста кристаллизовались некие новые, достаточно эффективные, но не абсолютные, а исторические, просто человеческие порядки... Но есть общества, к которым законы синергетики приложимы не более, чем законы термодинамики». Социальный организм здесь существует в условиях постоянной чрезвычайности, как бы на краю пропасти, «...выживая, с одной стороны, за счет жертв и героических усилий, с другой стороны, за счет компенсаторных, иллюзорно-возвышенных представлений о себе самом» [Сунягин б. г.]. Но ведь это и подразумевает потерю меры нормальности, утрату процедур измерения и, следовательно, реальной основы для расчета опасностей.

Те риски, оптимизация которых наиболее успешна, сходят с политической арены. Экономика, социум, техносфера представляют собой уникальные, необратимо развивающиеся системы. Имея дело с ними, мы обречены на гораздо более фрагментарное и приблизительное знание, чем то, которое доступно в случае более простых объектов, допускающих экспериментальное изучение. «До недавнего времени ключевыми инструментами для прогнозирования развития страны и планирования на различные сроки служили макроэкономические модели. В таких моделях последствия бедствий и катастроф игнорировались, либо учитывались как малые поправки. Однако в последние годы ситуация изменилась и, вероятно, факторы, учитывающие риск и неопределенность, станут неотъемлемым атрибутом этих моделей» [Управление риском... б. г.].

Один из ведущих социальных мыслителей современности, Энтони Гидденс, определил современность как культуру риска: «В условиях современности как для обывателей, так и для экспертов – специалистов в какой-либо области – мыслить в понятиях риска и оценка риска стало более или менее постоянным занятием, отчасти даже незаметным». Ульрих Бек в своей книге «Общество риска: к новой современности» (1992 г.) утверждает, что в современную эпоху «перехода от индустриального общества к обществу риска» центральным вопросом является риск и способы его предотвращения, минимизации и управления. Рутинная, повседневная практика превращается в постоянный мониторинг рисков и проектов их предотвращения в отсутствие надежных критериев такого мониторинга.

Идеалом современной эпохи, формой, организующей структуры поведения индивидов и принятия политических решений в условиях «жизни на кромке хаоса», становится не развитие, а безопасность. При этом физическая и социальная безопасность связываются с надежностью функционирования абстрактных систем и сетей, формирующих глобальное социальное пространство: финансовой, экономической, топливно-энергетической, ресурсообеспечивающей, информационно-коммуникативной, организационно-управленческой и т. д. Наиболее серьезные угрозы и риски возникают на системном уровне. Поэтому повышение надежности отдельных элементов и структур не ведет автоматически к повышению безопасности системы в целом. Одним из парадоксов научно-технологического прогресса является то, что по мере развития систем управления и информации мир становится все менее управляемым. Принципиальный скачок в его хаотизации – появление компьютеров, самого мощного средства управления.

Глобальные информационно-коммуникативные сети сделали мир человека XXI века, по выражению Т. Фридмана, плоским, т. е. радикально трансформировали его онтологию. Соответственно, сами риски изменяются качественно. «И блага, и риски от работы абстрактных сетей весомей и значимей, чем традиционные риски и традиционные блага» [Бляхер, 2005: 92]. Без на-

учно-технологических систем жизнеобеспечения человека и общества в современном мире не обойтись. Но как любой очень дорогой дар, этот дар современной техногенной цивилизации в виде мощных систем управленческих воздействий на природный и социальный мир может быть опасен. И здесь на помощь должна прийти та же наука, беспримерно расширившая возможности человека, а, следовательно, и сферу рисков и угроз. Большинство фундаментальных теорий, изменивших стандарты научных исследований (меняющих общенаучную парадигму, по выражению Т. Куна), связано с осознанием все новых и новых ограничений, с ответом на вопрос о том, чего нельзя сделать, какие цели мы, в принципе, не можем ставить перед научным исследованием.

В пространстве мифов и волшебных сказок возможно все. Научная картина мира создается как прочерчивание все новых и новых контуров принципиально невозможного. Аналогично следует мыслить и в области политики, очерчивая для нее зону недопустимых рисков, на основе чего можно переходить к разработке приемлемых и всесторонне аргументированных критериев допустимости риска, чтобы при этом учитывались общественные потребности, требования социальной справедливости, экономические, политические, социальные, психологические и другие аспекты человеческой деятельности.

Наиболее значительным результатом, определяющим стратегические цивилизационные тренды радикальных трансформаций социальной реальности в эпоху глобализации, стали не только и не столько огромные технические и геополитические изменения, сколько изменение системных свойств социального мира. С этими изменениями связаны как новые возможности и новые ресурсы развития, так и новые риски, новые угрозы, требующие новых методов борьбы с ними:

- риски утрачивают избирательность, приобретая универсальность: возникли новые типы рисков, угрожающих не отдельной стране или социальной группе, но всем и каждому. Такое понятие, как «группа риска», становится анахронизмом или ограничивается маргинальными социальными стратами, подверженным специфическим рискам;

- риски становятся взаимосвязанными по типу цепной реакции: сбой в одной сфере ведут к дисфункциональным эффектам во множестве прочих, причем эти процессы развиваются по ризоморфным траекториям. У. Бек, характеризуя мегаугрозы, создающиеся современными глобальными процессами, отмечает, что само понятие «бедствие» утрачивает границы во времени и пространстве и, тем самым, смысл. Оно становится событием, имеющим начало и не имеющим конца, непредсказуемым «вольным пиршеством» крадущихся, скачущих и накладывающихся друг на друга волн разрушения;

- риски становятся многофакторными, что ведет к проблематичности самой возможности их эффективного мониторинга, предотвращения и минимизации ущерба. В традиционной теории надежности строилось так называемое «дерево отказов», учитывающее простейшие связи между элементами

системы. Для сложных систем характерно взаимное влияние различных элементов, в том числе, находящихся на разных структурных уровнях системной организации. Учет и сведение в единую картину всех возможных связей между ними становится в принципе невозможным. Угрозы и опасности про- скальзывают сквозь все заградительные сети закона, технологии и политики.

Человек нынешней эпохи свыкся с тем, что современный мир непре- станно проходит сквозь череду катастроф. «Информационное поле наибо- лее жестко структурируется именно цепочками катастрофических событий и трагических обстоятельств, что демонстрирует их особую ожидаемость и предвосхищение по эту сторону экрана» [Орлов б. г.]. П. Штомпка отмечает, что социальные изменения в XIX в. рассматривались в рамках парадигмы прогресса, в XX в. происходит рост влияния постэволюционистской и пост- прогрессистской парадигмы кризиса, а с конца столетия для характери- стики процессов социальных изменений все чаще стало использоваться слово «травма» [Штомпка, 2001: 6]. В частности, жизнь многочисленных социаль- ных групп населения стран СНГ проходит под знаком «посткоммунистиче- ской травмы», разрушенного «габитуса». Травма в социологическом смысле понимается как разрушение, непоправимый ущерб, нанесенный ключевым ценностям, нормам, убеждениям, основаниям коллективной идентичности, базовым структурам институциональных порядков и т. д. Возникающий в результате травмы деструктивный хаос может обернуться социальной ката- строфой. Соответственно, «...в XX веке всеобщее научное знание все более определенно переориентируется с изучения эволюционно-функциональных процессов на изучение процессов переломно-кризисных» [Сунягин б. г.]. Одно из свидетельств этой тенденции – успех нелинейной динамики и синер- гетики как учения о конструктивной роли хаоса в формировании устойчивых порядков, в том числе и социальных.

В соответствии с принципами нелинейной динамики или науки о само- организации и закономерностях эволюции сложных динамических систем, развитие таких систем понимается как последовательность периодов стабиль- ности, прерывающихся периодами нестабильности, в которых система претер- певает резкие изменения (флуктуации) состояний. При этом, в отличие от ли- нейного характера развития в периоды стабильности, следствия и направления бифуркационных ветвлений не прогнозируемы. Комплекс идей нелинейности, вероятности, самоорганизации, хаоса и т. д. составил по существу новую, пост- неклассическую общенаучную парадигму, базовую модель онтологии, проти- вопоставленную субстанциалистским онтологиям классического типа миропон- имания. «Теория хаоса предлагает здесь странные решения, завораживающие своей парадоксальностью» [Капица, Курдюмов, Малинецкий б. г.].

В современном нелинейном мире, в мире институционализированной не- определенности крайне опасной является абсолютизация технократического, позитивистского подхода к политическим проблемам и оценкам политиче-

ских рисков. В смысловых рамках этого подхода политические риски рассматриваются в терминах и правилах теории игр, подчиняясь логике калькуляции вероятности выигрышей и проигрышей, универсальной единицей измерения которых выступает позиция игроков во властной пирамиде. Власть при этом рассматривается сугубо технологически, через призму механизмов ее захвата, удержания и усиления, и соответствующих рисков – ослабления и потери власти. В современной политической теории утилитарно-прагматический подход вытесняется более широким пониманием, не противопоставляющим столь односторонне интересы и ценности, дискурсивную целерациональность и идеальное целеполагание. Императивом современной политологии становится синтез онтологически-аксиологического и функционального подходов, инструментально-утилитаристского и философско-культурологического понимания сущности политики, преодоление крайностей технократического редукционизма и абстрактно-гуманистической риторики.

Мы живем и достаточно успешно действуем в мире весьма сложных природных и социальных объектов, изоциренных технологических систем. Как же нам это удастся без теоретического анализа и математического моделирования? Ответ достаточно прост: по большей части мы имеем дело с ситуационным управлением, т. е. у нас есть некий набор стандартных ситуаций и рецептов, предписывающих определенные действия в этих ситуациях. Этот набор типизированных поведенческих реакций, ментальных структур и культурных символов является основным инструментарием социального конструирования реальности. В значительной степени опора на линейный тип мышления с присущими ему ситуационными стандартами, логикой прецедентов и критериями целерациональности (М. Вебер) политических институтов и действий определяет путь, по которому идут политологи в анализе политических рисков и угроз. Однако есть все основания полагать, что грядущая история готовит нашей цивилизации, стремительно уходящей от предшествующей траектории развития человечества, много неприятных сюрпризов. Анализ возможных ответов на этот, – говоря языком А. Тойнби, – вызов истории, является сверхзадачей современной науки. Естественные либо гуманитарные науки по отдельности решать такие проблемы не могут. Масштабы ожидаемых перемен слишком велики, и очень многое должно измениться в обществе, политике и в самом человеке. Поэтому свое слово должны сказать междисциплинарные подходы. В современных подходах к теории рисков роль интегрирующего начала, способного синтезировать в единое целое модели сложных нелинейных систем и эмпирические подходы, развивающиеся в рамках отдельных дисциплин, отводится компьютерному моделированию, системному анализу и нелинейной динамике.

Ранее предполагалось, что надлежащие инженерные решения, организационные меры, квалифицированные и дисциплинированные сотрудники могут обеспечить надежное функционирование технических или социально-техноло-

гических систем. Современный научный подход к динамике сложных систем заставил скорректировать эти представления. В области управления рисками существует большой класс задач многокритериальной оптимизации. Большинство из них таково, что нельзя определить оптимальный вариант решения, но лишь представить ряд возможностей выбора, для которых понадобятся политические решения, и ряд возможных новых рисков. Вероятностная природа многих социальных процессов, поливариантность направлений их развития определяют невозможность однозначного предсказания результатов социальных трансформаций, протекающих по бифуркационной диаграмме. В теории вероятностей и нелинейной динамике математически обосновано положение о том, что неустойчивость, «катастрофическое поведение» является неотъемлемым свойством многих, даже не очень сложных, типов систем.

Одним из фундаментальных достижений науки конца XX в. стало установление принципиальной ограниченности возможностей прогнозирования. Поэтому наряду с такими определениями современной цивилизации, как «постиндустриальное общество», «информационное общество», «технотронная цивилизация», широко используется термин «общество риска». Причем неумолимо сопровождающие жизнь этого общества риски и «мегаугрозы» такого рода, что ими подрывается сама идея принятия действенных мер предосторожности на основе предвидения и расчета последствий накладывающихся друг на друга волн разрушения. Развитие экономики, новейших технологий, средств массовой информации создали гигантский усилитель ошибочных и некомпетентных действий. Критерии разумности огромного числа принимаемых политических решений практически отсутствуют, и их далеко не всегда могут заменить интуиция, здравый смысл и политический опыт. Типичной ситуацией при принятии политических решений, в том числе имеющих принципиальное, стратегическое значение, является огромный объем ненужной информации, большой объем нужной, но не обработанной, не усвоенной к моменту принятия решения информации, и отсутствие значительной части необходимой информации. Тенденция перекалывания огромного круга проблем на одну организацию, ведомство, программу, на один уровень снижает эффективность любых систем. Типичным упрощающим допущением при этом является предположение о линейности развития системы. Понятно, что в таких условиях реалистическая оценка возможных рисков и угроз становится весьма проблематичной.

В то же время, следует иметь в виду, что «на самом деле теория систем – еще не созданная наука о не решенных пока задачах. С этими нерешенными задачами связаны главные современные проблемы человечества» [Управление рисками... б. г.], такие, как проектирование будущего, согласованного с концепцией устойчивого развития, переход к новым алгоритмам развития, стратегическое управление рисками при осуществлении системных социальных преобразований, и многие другие.

По мнению ряда исследователей, политика является наиболее благоприятным полем применения синергетики, поскольку именно в социально-политической сфере незначительные по историческим масштабам, случайные флуктуации зачастую приводят к потрясению государственных основ, к непредсказуемым изменениям социальной системы в целом. «Борьба политических партий, национальные движения будто бы специально демонстрируют торжество синергетического мира, в котором случайность не есть нечто побочное, второстепенное, а, наоборот, устойчивое, характерное свойство, условие существования и развития общественной системы» [Буханова, Петров, 2003: 46].

С одной стороны, синергетическая парадигма накладывает принципиальные ограничения в области прогноза. Для традиционного подхода, ориентированного механистическими представлениями о детерминизме, эти ограничения означают невозможность теоретического анализа в зоне принципиальной неопределенности. Ведь любой перечень начальных условий оказывается принципиально неполным для построения цепочки строго детерминированных следствий. В то же время, «в нелинейной среде скрыт, предсуществует как непроявленное спектр «целей» развития, будущих возможных структур. В связи с этим, возможен анализ стратегических рисков – событий, технологий, решений, которые могут существенно сузить коридор возможностей стран, регионов, цивилизаций, привести их к кризису или к катастрофе» [Буханова, Петров, 2003: 47]. На основе анализа возможных (виртуальных) событийных горизонтов, моделируемых методами разработки сценариев развития, открывается возможность принятия эффективных, взвешенных решений в условиях нестабильности, нелинейности, неопределенности, открытости будущего.

В сложных объектах, имеющих несколько уровней организации, есть место и для случайности, и для предопределенности. В некоторых состояниях случайные воздействия не приводят к кризисным явлениям, в других они могут вызвать лавину. В одних система может иметь высокую степень предсказуемости и большой горизонт прогноза, в других возможности прогнозировать невелики. Но это означает необходимость перехода от вероятностного к детерминированно-вероятностному описанию многих опасных явлений.

На основе применения методов нелинейной динамики и синергетики в современной науке разрабатываются единые организационные, информационные, инженерные и научные подходы к моделированию и прогнозу бедствий и катастроф, к снижению рисков, обеспечению безопасности. Синергичность – это соучастие таких процессов, которые взаимно отрицают друг друга и, тем не менее, действуют в одном направлении, формируя структуры все более высокого порядка. В наибольшей степени этому критерию отвечают биологические и социальные организмы. Синергетический подход способствует более ясному пониманию горизонтов прогноза, механизмов развития ситуации и возможностей влияния на ход политических процессов. Синерге-

тический взгляд на мир – это «оптимистическая попытка понять принципы эволюции и коэволюции сложных систем, раскрыть причины эволюционных кризисов, нестабильности и хаоса, овладеть методами нелинейного управления сложными системами, находящимися в состоянии неустойчивости» [Князева, Курдюмов, 1997: 71].

Нелинейная динамика показала, что существуют фундаментальные ограничения на возможность «динамического» прогноза, своеобразный «горизонт предсказуемости». Это ограничение представляется столь же глубоким ограничением, характеризующим наш мир, как невозможность создания вечных двигателей, движения со сверхсветовыми скоростями и т. д. Тем не менее, множество характеристик исследуемых процессов могут быть предсказаны, и почти всегда можно дать «слабый прогноз» – ответить на вопрос, чего не произойдет в данной системе, какого рода риски можно ожидать, а какого рода – можно не принимать во внимание.

Структурирование институциональной среды политики, эффективно справляющейся с политическими рисками и угрозами в современных условиях, в том числе в условиях виртуализации главных институтов народо-властия – выборов и собственно государства – требует и особого типа политической культуры от субъектов политического процесса. Политика должна рассматриваться не как классическая «политика интересов» – содержанием которой выступает борьба за власть, за право распоряжения ресурсами и т. д., а как конкуренция организационно-управленческих программ и систем. В концепции нового типа государственного менеджмента для обозначения парадигмы управления, отвечающей сетевому принципу организации общества, используется термин «governance». Концепция governance отвечает растущей потребности в новых стратегиях для повышения управляемости социумом в условиях неактуальности прежних типов социально-политических конфликтов. При этом новую систему управления характеризуют как высокая степень неопределенности и риска, так и развитая способность адаптации к вызовам и угрозам, возникающим вследствие кризиса традиционной политически-институциональной системы общества в эпоху постмодерна.

Literatury

1. *Blyaher L.E.* 2005. Nestabil'nye social'nye sostoyaniya. – М.: ROSSP'EN.
2. *Buhanova I., Petrov N.* 2003. Gorizontaly sinergetiki i politicheskie processy. – Vlast'. Obschenacional'nyj nauchno-politicheskij zhurnal, № 9.
3. *Giddens E.* 1994. Sud'ba, risk i bezopasnost'. – THESIS, № 5.
4. *Kapica S.P., Kurdyumov S.P., Malineckij G.G.* b. g. Sinergetika i prognozy buduschego. – Dostup: <http://www.synergetic.ru/sections/index.php?article=books/kkm/index.htm>
5. *Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P.* 1997. Antropnyj princip v sinergetike. – Voprosy filosofii, № 3.
6. *Nazarbaev N.A.* 2003. Kriticheskoe desyatiletie. – Almaty: Atamura.

7. Orlov D.U. b. g. Dissipativnye massy. Vzglyad Narcissa // Social'nyj krizis i social'naya katastrofa. – Dostup: <http://social.philosophy.pu.ru>.
8. Sunyagin G.F. b. g. Krizisy i katastrofy v razvitii civilizacij. – Social'nyj krizis i social'naya katastrofa. – Dostup: <http://social.philosophy.pu.ru>.
9. Upravlenie riskom: Risk. Ustojchivoe razvitie. Sinergetika. b. g. – Dostup: <http://www.keldysh.ru/papers/2003/source/book/gmalin/titul/htm>.
10. Shtompka P. 2001. Social'noe izmenenie kak travma (stat'ya pervaya). – Socis, № 1.

Нысанбаев Ә., Дунаев В.

Қазақстандағы әлеуметтік-саяси тәуекел-менеджменттің инновациялық технологиясы туралы

Қазіргі әлеуметтік теорияға әлеуметтік талдаудың құрылымдық-функционалдық парадигмасы әлеуметтік өзгерістердің үдерістерді зерттеуге бағытталған тұжырымдамаларға – тәуекел теориясы мен алапат апат теориясына – өз орнын беріп отыр. Саяси тәуекелдерді басқару, талдау, бағалау әдістемесін жасау пәнаралық мәселелерге жатады. Осындай мәселені шешкенде олардың құрамдас бөлігі ретіндегі жалпыәдіснамалық және дүниетанымдық негіздерін зерттеу керек. Сinergetika мен сызықтық емес динамикамен байланысты жаңа жалпы ғылыми парадигманы әлеуметтік-философиялық зерделеу саяси тәуекел теориясының және әлеуметтік-саяси тәуекел-менеджмент технологиясының негізі.

Nysanbayev A., Dunayev V.

About the innovation rechnologies of social and political risk management in Kazakhstan

In the modern social theory structurally – functional paradigm of the social analysis concedes a place to the concepts aimed at research of processes of social changes, – first of all to theories of risk and theories of accidents. The creation of a technique of an estimation, analysis, forecasting and management of political risks concerns to a class of interdisciplinary problems. At statement and decision of such problems a necessary component of researches becomes development of their methodological and Weltanschauung bases. Conceptual – Weltanschauung basis for the theory of political risk and technologies of social-political risk-management should become social-philosophical judgment of new general-scientific paradigms, connected with development of synergetic and nonlinear dynamics.